

A woman with dark hair in a high ponytail, wearing a black leather superhero suit with a mask. A black beetle is on her chest. She holds glowing green and blue spheres in her hands.

Тюркер
Унлю

КАРА ФАТМА

Тень справедливости Стамбула

Türker Ünlü

**Кара Фатма – Тень
справедливости Стамбула**

«Автор»

2026

Ünlü T.

Кара Фатма – Тень справедливости Стамбула / Т. Ünlü —
«Автор», 2026

В темных улицах Стамбула появляется таинственная женщина. Она приходит из подполья, чтобы восстановить справедливость. Кара Фатма - это история одиночества, силы и мести. Когда закон молчит, начинается её правосудие.

Türker Ünlü

Кара Фатма – Тень справедливости Стамбула

КАРА ФАТМА

1984 год, станция Айдын

Это была такая пронзительная боль, что ей казалось, будто её разрезают ножом от рёбер до паха. Ржавым и острым, но с зазубринами на лезвии, тупым ножом, который разрывал её живот.

Она не знала, какой был год, а месяц был одним из тех, что соответствовал зиме. Единственный временной отрезок, который она осознавала, – это время на часах. Потому что она помнила, что мёрзла из-за потемневшего неба, всего несколько минут назад. Теперь же её тело горело в огне, и причиной этого была родовая боль, начавшаяся с излития вод из влагалища. Смерть – это такое ощущение, думала она. Интересно то, что в тот момент она не думала ни о ком, кроме себя, и даже не вспоминала о знакомых потерянных душах. Хотя она не могла забыть, кто был тем мужчиной, от которого она получила такое удовольствие, и который стал причиной её состояния, пока её тело в течение девяти месяцев растягивалось до предела. Что сейчас делал производитель того упорного сперматозоида, который первым пробил яйцеклетку и поселился внутри? Она понятия не имела.

Она не чувствовала вкуса текущей по лицу смеси слюны, слёз и пота. Во рту была только тяжёлая, сухая жидкость, которая мешала ей свободно дышать. Она видела вздувшиеся вены на висках, готовые лопнуть, в зеркале туалета, освещённом мигающим белым флуоресцентным светом. Зеркало было таким грязным, что пятна от брызг воды образовывали белые ореолы, доходившие до самой поверхности, и отражение было трудно разглядеть. Как и в материальности жизни, это было похоже на просмотр пейзажа через закрытое шторами окно или на луну в полнолуние, скрытую дождевыми облаками, – всё в тумане.

Она не знала, куда положить руку, и в женском туалете с потрескавшейся плиткой, потолком, уходящим ввысь, и, напротив, как можно более узком, она дышала одновременно ртом и носом, издавая звуки, близкие к рычанию. Между ног текли тёплые воды, образуя лужу на полу. Если она не ошибалась, от холода пар шёл от тёплой маточной воды на грязном полу. Под раздражающим эффектом мигающей и гаснущей длинной белой лампы она видела в отражении в луже, как её влагалище широко раскрылось. Когда её тело, покрытое потом, достигло пика тепла, она, чтобы поскорее избавиться от этой боли, опустилась на пол и легла на спину на мокрый пол, и от текущей воды живот немного опустился.

До туалета на вокзале она еле дошла, почти ползком. Вечерний поезд приходил около 20:00 и через десять минут уходил. Толпа выходящих и входящих внезапно исчезала, как бильярдные шары чёрного, коричневого и серого цветов, знающие, в какие лузы войти, – люди в пальто, защищающиеся от холода.

Когда она протянула руку к сумке, повешенной на латунную ручку двери, которую она заперла за собой, в спину вошла самая сильная боль. Когда боли входили через спину, они были смертельными, как спазм сердца. Как первый удар в спину от самых доверенных людей, желающих тебя ранить. Почему в таком юном возрасте она переживает эту пытку? Разве быть матерью – не хорошо? Почему человек выбирает то, что причинит ему столько боли? В городе, где она провела в уединении время, пока живот не вырос до такого размера, никто не рассказал ей, что такое роды. Когда схватки стали частыми и ритмичными, она была всего лишь существом, опытным благодаря природе. Если в её судьбе было жить, то малыш и она выживут, но выживут ли они на самом деле? Безответные, летающие вопросы, если бы у них был запах, не

отличались бы от резкого, гнилого аммиачного запаха, пропитавшего туалет. Запах, который перекрывал желание дышать и жёг носоглотку, когда вынужденно вдыхаешь его.

Когда живот был близко к носу, она, не думая о том, что одежда испачкается, повернула бедро к двери и попыталась раздвинуть его двумя руками, но не смогла. Она закрыла отверстие в полу туалета цветной плетёной нейлоновой сумкой для рынка. Но из-за того, что плиточник не сделал уклон, она каталась по мокрому полу. У неё не осталось сил даже на свой собственный вес. Пусть закончится эта мука, которую она переживает. Трещины под пупком и по бокам дополнялись вздутием вены посередине, её живот, начавший синеть, мог лопнуть в любой момент.

Грязный пол туалета был достаточно холодным, согретым тёплыми водами, текущими изнутри. Белые квадратные плитки имели желтоватый оттенок, переходящий в коричневый, и она раздвинула ноги в форме 'М' на чёрной грязи, образованной от влаги. Она тужилась, тужилась и задыхалась. Это была такая боль, что если бы у неё в руках был что-то острое, она бы воткнула в живот и вытащила то, что пожирало её изнутри. Её руки не дотягивались от огромного живота до паха, опухоль опустилась вниз, и желание тужиться пришло снова, её дыхание было как у задыхающегося существа, в последний раз, когда она потужилась, она почувствовала, как от горла до кишечника её внутренности вытаскиваются наружу, словно цепью.

Наконец, она смогла схватить бедра и раздвинуть их в стороны, через прилипшие от пота чёрные волосы она видела в размытом взгляде на деревянную дверь, как часть её отрывается и скользит. Её последний крик был таким сильным, что она не знала, плачет ли она? Или кровоточат глаза? Течение было таким обильным, что она почувствовала облегчение, как будто вытаскивают мокрое полотенце, свёрнутое в рулон. С закрытыми глазами, с поднимающейся и опускающейся грудью, в пол туалета раздался звон 'ингааа'.

Когда она прекратила бороться и сдалась, мука закончилась. Все проблемы продолжают, пока не сдаёшься, облегчение приходит, когда перестаёшь ценить себя. То, что вышло из живота, всё ещё было связано с ней пуповиной. Кровавые куски, вышедшие изнутри, вызывали дрожь. Пока малыш хныкал и плакал, она с трудом прислонилась спиной к стене и увидела, как пуповина пульсирует, как вена. На мгновение ей пришло в голову, что они никогда не разлучатся. Она закрыла глаза и покачала головой из стороны в сторону, как будто говоря нет. Она не знала, сколько времени прошло, малыш всё ещё лежал на мокром полу, и его голос перешёл в дрожащий шёпот. Она взяла его на руки, посмотрела на лицо, чёрные волосы и всё лицо покрыто засохшей кровью и серой слюной. Пуповина больше не пульсировала, она уменьшилась по сравнению с первым моментом, она просидела так больше пяти минут и посмотрела на часы с коричневым кожаным ремешком, перевернутым на запястье, маленьким механизмом, золотым покрытием, и начала мысленно готовиться к тому, чтобы встать, с нормализовавшимся пульсом.

Она откусила скользкий шнур недалеко от пупка малыша и испугалась, увидев одновременно текущую кровь. Она позволила крови, текущей всё меньше, капать на шнур, связанный с малышом, цвет которого был близок к фиолетовому, голос которого уже затих, и завязала узел. Она сняла мокрую одежду и завернула малыша, он полностью затих и заснул, чувствуя сердцебиение близко. Он думал, что вернулся к знакомому ритму, чувствуя сердцебиение матери. Они пробыли так какое-то время, затем время напомнило о себе. Она достала из сумки чистый и сухой свитер и надела его. Когда она встала, ноги дрожали, и из влагилица всё ещё текла кровь. Она откусила одну из своих белых маек с кружевными краями с боку, разорвала и подложила под себя. Во время этих движений суставы покалывало. В это время малыш, которого она положила в раковину, снова заплакал тонким голосом от холода. У неё не осталось сил, она посмотрела на часы во второй раз. Было 21:15, у неё было ровно пятнадцать минут. Сумка немного намокла, с тёмно-зелёными брюками она выглядела как беженка, только что перешед-

шая границу. Она осмотрела вокруг, перед выходом взяла малыша на руки и поискала сухое место. Всё было заполнено смесью крови и слюны, как в использованной грязной операционной. Она поставила ноги вместе, положила малыша на свои ботинки, которые не снимала, и напилась воды из крана. Зрение немного прояснилось, она посмотрела в грязное зеркало, откинула чёрные каре волосы назад и надела коричневую шапку. Малыш, который не переставал плакать, она взяла на руки, надела сумку на плечо и поняла по гулу снаружи, что поезд вот-вот приедет. Она приоткрыла дверь и выскочила, когда никого не было. По сравнению с внутри, свежий и холодный воздух прочистил весь разум. Резкость запаха горящего угля и дыма оседала на холодной станции города.

Когда она повернула взгляд направо от рельсов, он исчезал в туннеле. Направление последнего поезда дня было из того туннеля. Она пошла к туннелю как можно быстрее, но хромая. Несмотря на жёлтые уличные фонари, слабо пытающиеся осветить рано потемневшее небо, она шагала в углубляющуюся тьму и шла близко к влажным рельсам, выложенным кирпичом. Воздух был влажным и тёплым по сравнению с##. Она нашла ступеньку справа, напоминающую маленькую могилу. Положила малыша внутрь, пустота была на ладонь больше роста малыша, она сразу повернулась спиной, чтобы не смотреть, и начала быстро шагать к выходу из туннеля. Пока она шагала по камням железнодорожного пути, точнее, по измельчённым кускам скалы, которые причиняли дискомфорт, назад, сзади смешались крик поезда, как сирена, и плач малыша. Поезд издавал голос, чтобы не поймать, малыш – чтобы не остаться один. Если она не выйдет из туннеля, молодая мать может быть раздавлена между кирпичной стеной и поездом, и цветок на её носу мог быть ядовитым закумом. Ей было больно, быстро продвигаться по наклонному узкому туннелю по камням, уложенным на рельсы, было невозможно. Поезд начал снижать максимальную скорость, звук тормозов с рельсов был отдельным криком, приближающимся к входу в туннель, скорость была огромной. Свет от лампы на локомотиве словно родил солнце в туннеле.

Ей даже не нужно было поворачивать голову, потому что машинист, увидев кого-то в туннеле, подавал сигнал сиреной, как скорая помощь. Короткое время после того, как она выскочила из туннеля, она почувствовала тепло локомотива, проходящего, сотрясая рельсы, на своём дрожащем теле. Она встала и быстрыми шагами пошла на платформу, прыгнула в первый вагон с открытой дверью. Делая это, она использовала тёмные лестницы на станции, чтобы никто её не увидел.

В юном возрасте она стала матерью и оставила малыша на произвол судьбы, возможно, это была её миссия. Долгая мука и плен закончились, но она бросила якорь в вечную тьму. В воспоминаниях о той чёрной ночи запечатлелись события.

Она заснула без тряски от сделанных родов. Причиной, по которой она вскочила, открыв глаза, был крик плачущего малыша несколько сидений впереди. Несколько человек с открытыми ртами, текущими слюнями, храпящих в глубоком сне, вздрогнули от её реакции и собрались, женщина, увидевшая кошмар, искала потерянную вещь. В животе была невероятная боль, подумав о том, что сделала ночью, она заметила мокроту, перешедшую от быстро поднимающейся и опускающейся груди от дыхания на свитер. Молоко, текущая из её каменных грудей, текло не в рот нуждающегося малыша, а на живот матери, проснувшейся в тёплом вагоне.

Пока километры между ними быстро увеличивались, то, что малыш пережил холодную зимнюю ночь в могиле, куда его бросила мать по совпадению, было только чудом. Она оторвала связь, откусив пуповину зубами, как дикий зверь, почувствовавший вкус крови. Что он делает сейчас? Думая, она, увидев, сколько времени прошло, подумала, что он умер. Она старалась не смотреть в глаза, завершившему свою судьбу по своей воле, новорождённому человеческому детёнышу, которого только что родила.

Уборщик станции, подметающий мусор, выбрал туннель как место начала работы, чтобы не намочнуть от дождя, начавшегося в тёмном небе. Он направился к углублению, используя

емому как сток дождевой воды, чтобы станция города не затоплялась во время возможного ливня. Увидев движение внутри углубления, он сначала подумал, что ошибся, моргнул и не поверил глазам. Бросив метлу из прутьев, он побежал к входу в туннель, крича во весь голос, сообщая ситуацию начальнику станции.

В короткое время станция заполнилась людьми, мигающие синие и красные огни полицейских машин освещали тёмную среду. Свет проникал в туннель до определённого места, в солнечные дни. Место ступеньки для стока дождевой воды всегда было тёмным, как судьба брошенного малыша, чья жизнь закончилась, не начавшись.

Полицейские, сотрудники станции и любопытные пассажиры, интересующиеся движениями встревоженного мужчины, двигались к месту происшествия, чтобы стать свидетелями возбуждения холодного, влажного утра. Подходя к ступеньке, они замирали с выражением отращения, непроизвольно поселившимся на лицах. Никто не мог прикоснуться к малышу, пока не приехала скорая. Все фонари, освещавшие тёмный туннель, были направлены на сток дождевой воды. Когда криминалисты сделали фото, вспышка беспокоила чёрную массу, создавая волну от света, спокойную, но с потенциалом реакции чёрную массу.

Толстый медработник с тремя складками на затылке, дополняющими его полное тело, и тёмно-зелёными пластиковыми перчатками от рук до плеч, взял малыша из ступеньки. От бегства каракатиц, покрывавших всю ступеньку, в разные стороны, он с трудом не уронил малыша, медработник с чёрными усами. Несколько женщин в туннеле одновременно закрыли рты руками, отступая, защищаясь от света фонарей. Они двигались осторожно, чтобы ни одна не упала на них, на каменистом грунте рельсов, где и так трудно ходить.

На лице малыша было выражение спокойствия, противоположное пережитому, из-за того, что ему пришлось повзрослеть в ту ночь? Или от божественной силы? Он выжил в холодную зимнюю ночь в влажном, тёмном туннеле в стоке дождевой воды, покрытый каракатицами по всему телу.

Волосы по бокам головы медработника были того же цвета, что и усы, а кожа на голове, словно отшлифованная, блестела от адреналинового шока от насекомых, когда свет падал на лысину в тёмном туннеле. Причиной, по которой все хотели быстро выйти из туннеля, были каракатицы, покрывшие всё. У многих начался зуд, они спотыкались к свету, быстро шагая или даже бегая в узком пространстве.

Направившийся к станционным скамейкам толстый медработник сначала покраснел от удержанного дыхания на скулах, складках под подбородком и огромном теле, и немного расслабился от прохладного воздуха. Когда он бросил своё большое тело на скамейку из трёх досок, он заметил, что круглые винты, фиксирующие чёрные железные ножки, заржавели. Когда раздался первый плач малыша, в толпе смешались многие эмоции. На теле не было никаких следов от рождения. Ни капли крови, слизи или пятна, он был полностью очищен. Слово его спокойствие нарушено, и он мёрзнул от беспокойного писка. Выживание всю ночь в том влажном углу было возможно. Одна из медсестёр попыталась взять малыша, но не смогла подойти из-за насекомых, текущих наружу из одежды матери, в которую он был завернут с прошлой ночи. Толстый медработник с усами и лысиной держал малыша как статую, словно в трансе. Малыш выглядел как жертва, предназначенная для статуи. Из-за тяжёлого шока медработника, беспокойный малыш наконец был взят полицейским и отнесён в скорую.

После## в больнице малыш был помещён в отделение новорождённых, где все функции были на желаемом уровне. В ту холодную зимнюю ночь его согрели каракатицы. Поскольку не было ни свидетелей, ни очевидцев, были сделаны необходимые вмешательства, и начали ждать новостей от полиции. С течением времени начали искать кормилицу для кормления, и добровольно кормила женщина, недавно родившая, в больнице, маленькую девочку, в итоге пришлось кормить смесью. Безымянный малыш, никогда не получавший материнского молока, продолжал бороться за жизнь усилиями медсестёр.

В больнице в комнате медсестёр у малыша была колыбель, единственное, к чему он привык, – свет. Постоянно горящий белый флуоресцентный свет наверху и голоса медсестёр были главными внешними факторами, которые он вынужден был принять в первые моменты жизни. Но со временем расходы на подгузники, одежду и еду увеличились, уровень терпимости к беспричинному плачу малыша упал, и ему нужно было покинуть комнату медсестёр больницы.

В результате заявлений администрации больницы полицейские завершили дело, и под руководством ответственных офицеров было проведено совещание с Социальными службами и Учреждением по защите детей. Была создана папка в категории 0-6 лет. Здесь история малыша с заявлением полицейских, следящих за делом, теперь маленькая девочка имела безымянную папку. Там в части имени-фамилии было написано 'Фатма Кара'. Для девочки, найденной среди каракатиц, место рождения 'Станция Айдын', дата рождения '09.03.1984' были зарегистрированы. Это был один из редких малышей, подвергшихся такой трудности в начале жизни. Малышка Фатма Кара.

Годы ухода проходили по одному-два, она медленно росла в приюте для бездомных детей, чёрная девочка. С рождения её постель часто менялась, влияет ли на малыша, не имеющего своей постели, отсутствие чувства принадлежности? По мере взросления волосы и брови становились чернее, а кожа белее у Фатмы. В три года она ещё не говорила. Никто не старался говорить с ней. Группу от нуля до шести лет держали в отдельном здании. У малышей в защите под стеклянными колпаками не было возможности получать материнское молоко. С добавками вместо материнского молока маленькие тела вынуждены были рано расти и переехали в спальни с девятью двухъярусными кроватями. Переходя от младенчества к детству, с бессознательным сознанием, готовым впитывать все знания как губка.

Родители отсутствовали, люди, которых она знала в приюте, были серыми. Серый цвет; двухъярусные кровати с перфорированным железом, столовая и все двери были одного цвета. Единственная мебель, которую она знала, – белые простыни на серых кроватях. В приюте было традицией называть женщин-работниц 'мама'. Когда Фатма немного подросла, выйдя из комнаты с двухъярусными кроватями, она любила ходить в комнату малышей и смотреть на них. Главная причина, по которой она чувствовала малышей такими близкими, была схожесть с маленькими малышами, не умеющими говорить, в симуляции жизни, куда она пришла одна. Со временем она привыкла к вниманию заботливых сотрудников. У маленьких душ, лишённых понятия семьи, в их регистрах были зарегистрированы братья и сёстры. Когда Фатма была найдена в тёмном туннеле, она была одна, по словам нашедших её людей. На самом деле она чувствовала, что не одна, это осознание было размытым видением.

В группе бездомных мальчиков и девочек с одинаковыми стрижками желание смотреть и трогать длинные волосы мам-работниц было интенсивным среди девочек. Когда маленькие девочки осознавали себя, их волосы намеренно не отращивали, регулярно стриглись, и когда они падали на пол, сопровождалась слезами, Фатма тоже вошла в такой период. Она совсем не любила стрижку волос, голова маленькая, уши же большие, непропорциональные маленькому черепу, словно пришитые позже. Главная причина стрижки волос – предотвратить вшей, чистота и соответствие здоровью были первым, на что обращали внимание чрезмерно заботливые команды, чтобы они не болели. Потому что они не хотели брать ответственность за уход за ними, когда они заболеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.